

Доктор Дэвид А. ДеСильва, 2 Питер и Джуд Сессия 5

Как мы уже отмечали, начало Послания Иуды ясно указывает слушателям на то, что Иуда написал письмо. Действительно, объём Послания Иуды гораздо лучше сопоставим с массой сохранившихся писем, полученных в результате реального использования писем в греко-римском мире, чем, например, с более длинными посланиями Павла. Но какое именно послание, по мнению слушателей, написал Иуда? С древних времён сохранилось множество справочников по типам писем.

По сути, это каталоги видов писем, которые могли быть предложены к написанию, сопровождаемые очень краткими примерами каждого типа. Вероятно, эти руководства были изначально созданы для тех, кто готовился стать профессиональными писцами и клерками в римской администрации. Два из наиболее полных руководств содержат каталоги от 20 до 40 видов писем, включая совещательное письмо, рекомендательное письмо, дружеское письмо и выговор.

В обоих руководствах также рассматривается смешанный тип письма, когда конкретная ситуация требует более одного вида вмешательства для достижения цели. Джуд пишет письмо смешанного типа. Его основной тип — рекомендательный, в котором автор рекомендует один вариант действий, а не другой, и/или пытается отговорить получателей от какого-либо варианта.

Здесь Иуда призывает своих слушателей подвизаться за веру, однажды переданную святым, укрепляясь в ней, не упуская из виду милость, на которую они надеются в день суда, и помогая друг другу не сбиться с пути, одновременно убеждая их не поддаваться соблазнам и примерам проныр, пробравшихся в их среду. Послание Иуды также носит характер ругательного или порицательного письма, в котором раскрываются порочность чьего-либо характера или оскорбительность его или её поступков по отношению к кому-либо. Действительно, этой цели посвящается больше слов, чем наставлениям, но всё же ясно, что порицание или порицание у Иуды второстепенны и служат главной цели — убедить общину не поддаваться влиянию практики и учения нарушителя, а твёрдо следовать по пути, на который указали апостолы.

Тем, кто знаком не только с античной письменностью, но и с классической риторикой, сразу станет очевидно, что существует естественное пересечение между типами рекомендательных и ругательных писем, а также их противоположностями — разубеждающими и хвалебными, или поощрительными, письмами, и двумя из трёх основных жанров ораторского искусства — совещательным и эпидейктическим. Совещательное ораторское искусство использовалось для того, чтобы убедить группу людей принять определённый курс действий или отказаться от него в ответ на представившуюся ситуацию или возможность. Эпидейктическое ораторское искусство было шире, но часто определялось как ораторское искусство, целью которого было

представить какого-либо человека, свойство или объект как достойный похвалы и, следовательно, почётный, или как порицаемый и, следовательно, постыдный.

Некоторые учёные, по понятным причинам, неохотно принимают риторический анализ новозаветных посланий, отталкиваемые тенденцией более ярких риторических критиков втискивать каждый документ в рамки классической речи, вопреки естественному смыслу изложения содержания послания. Однако можно быть уверенным, что тот, кто пишет письмо, в котором пытается убедить других принять определённый курс действий или избежать его, воспользуется любыми и всеми Стратегии обсуждения на уровне тем и аргументов. Аналогично, человек, пишущий письмо, чтобы похвалить или порицать какого-либо деятеля, без колебаний прибегнет к любым риторическим стратегиям и темам для достижения этой цели.

В частности, в случае с посланием Иуды пересечение жанров писем и речей настолько велико, что неудивительно, что классическая риторическая теория изобретательности или открытия возможных средств убеждения может оказаться полезной для тщательного анализа стратегии Иуды и вероятных последствий его послания. Однако Иуда завершает своё обращение не в стиле письма. Он завершает его не планами путешествия, не заключительными приветствиями или прощальными просьбами, а славословием – уместным завершением, учитывая вероятную обстановку, в которой было написано его послание, а именно, чтением вслух перед собравшейся общиной во время богослужения.

Иуда напоминает нам, что, хотя многие предпочитают думать о центре христианской веры и практики, объединяющем нас, существуют также границы, за которыми лежат нехристианская практика и отрицание христианских убеждений о Боге, Божьей благодати и господстве Христа. Павел подобным образом проявлял заботу о защите тех пространств, где христиане имели свободу для разнообразных практик, одновременно заботясь о сохранении и предостережении от пересечения границ, за которыми практика уже не была достойна Господа, не была полностью угодна Ему. Здесь мы подходим к противоречию между прогрессивным импульсом людей с обновлённой уверенностью в том, что они лично ведомы Духом Божиим, и консервативной сущностью богооткровенной религии, приверженной вере, дарованной раз и навсегда, то есть, безусловно, святым в определённое время в прошлом, – сущности, которая, в силу её апостольского характера, мы считаем питаемой и ограниченной каноническими Писаниями.

Другая важная тема, которую объявляет Иуда, касается пути, по которому Бог предназначает нам двигаться, полагая, что Его благоволение. Эти люди радикально неверно понимают Божью благодать как разрешение потакать плотским похотям без страха суда, а не как возможность и силу жить, не подчиняясь плотским похотям. Иуда возражает, настаивая на том, что Божья благодать предназначена для того, чтобы направить людей на путь непорочности в день Божьего посещения, чтобы они обрели милость и не имели повода для стыда, представ перед славой Божьей.

Иуда начинает свою аргументацию против нарушителей с рассмотрения ряда исторических примеров, которые дают основу для размышлений об их действиях, их

отношении к ним и их вероятном конце . Иуда сказал бы: об их неизбежном конце. Исторические примеры были важны для искусства убеждения во многих отношениях.

Советуя людям следовать или избегать определённого образа действий в будущем, можно, вероятно, привести примеры из истории, чтобы показать последствия подобных действий в прошлом, будь то хороший или плохой результат, достойный или позорный. Восхваляя или порицая какую-либо личность, говорящие часто сравнивали её с людьми прошлого. Сходство с достойными похвалы даёт основания считать человека, о котором идёт речь, достойным похвалы.

Сходство с известными людьми, пользующимися дурной репутацией, также давало бы основания считать предмет речи постыдным. Иуда приводит ряд примеров в стихах 5–7, которые показывают, какие действия и отношения вызывают Божье осуждение, а также напоминают о драматизме этого осуждения. Затем он обращает эти примеры к нарушителям, которые, по его утверждению, проявляют ряд тех же черт и поступков, что и те, кто исторически подвергался Божьему осуждению.

Затем, в стихе 9, он приводит третий пример, который, по контрасту, не лучшим образом характеризует поведение нарушителей. Структура послания подчёркивает, что Иуда заинтересован не только в напоминании священной истории, но и в том, чтобы пролить свет на нарушителей и помочь своим слушателям установить необходимые связи между уроками истории и настоящим моментом. В стихах 5–7 он приводит примеры поколения Исхода, мятежных ангелов, жителей Содома и соседних городов.

Затем, в стихе 8, он делает утверждение, относящее этот материал к этим людям, то есть к нарушителям. Затем, в стихе 9, он приводит другой пример – спор ангела Михаила с сатаной. А затем, в стихе 10, он снова относит этот пример к этим людям, то есть к нарушителям.

Иуда тщательно подчёркивает, как в стихе 5, так и далее, в стихах 17–18, что излагаемый им материал не нов. Напротив, он является неотъемлемой частью наследия и наставлений, которые его слушатели уже приняли как достоверное представление о деяниях Бога в мире и путь к тому, чтобы предстать непорочными перед Богом в день Божьего суда. В каком-то смысле они уже знают, что Иуда имеет в виду, когда речь идёт об их ситуации.

Иуда лишь устанавливает необходимые связи, чтобы они могли с пользой применить эти знания. Сначала Иуда подводит своих слушателей к судьбоносным событиям, описанным в 13–14 главах книги Чисел в стихе 5. Поколение евреев, которое было драматически освобождено из египетского рабства среди бедствий и чудес, и которое Бог чудесным образом обеспечивал водой и пищей в течение двух лет в пустыне, теперь стоит у порога земли, которую тот же Бог обещал им дать. Там, у порога, народ принимает решение.

Они пошлют в землю соглядатаев, по одному от каждого из двенадцати колен. Эти соглядатаи будут посланы и вернуться с донесением. Десять из них доложат, что жители этой земли велики и сильны, а город так хорошо укреплён, что нет никаких шансов, что евреи смогут войти и захватить его.

Двое разведчиков, Иисус Навин и Халев, дают совершенно другой отчёт. Они говорят, что земля прекрасна, её урожай обилён, и Бог может отдать её в наши руки. Люди верят большинству.

Они восстают против Моисея и Аарона и даже обвиняют Бога в том, что Он повёл их в пустыню, чтобы убить там. Они планируют вернуться в Египет под новым руководством и заключить сделку с фараоном, чтобы вернуться в прежнее положение, где, несмотря на угнетение, они смогут зарабатывать себе на жизнь. Ответом Бога был гнев на провокацию, брошенную Ему поколением Исхода.

Они годами были свидетелями Божьего промысла. Они видели, что Бог сделал с египтянами, кульминацией чего стало чудесное избавление у Красного моря. Как они могли теперь поверить в неспособность Бога исполнить Свои обещания? Но, что ещё хуже, как они могли поверить в то, что Бог действовал злонамеренно, выведя их в пустыню, чтобы уничтожить? И поэтому, в ответ на это вопиющее оскорбление Божьей силы и Его милостивой доброты к народу, Бог говорит, что то, чего они боялись, постигнет их.

Каждый еврей, отвергнувший Божье обетование, поверивший большинству доносов разведчиков и не доверившийся Всевышнему, фактически погибнет в пустыне. Таким образом, поколение Исхода было осуждено на ещё 38 лет скитаний, пока не умрёт последний взрослый, стоявший на самом пороге Ханаана в тот роковой день. Этот эпизод автор Послания к Евреям также использует, причём гораздо более подробно, с той же целью, а именно, чтобы подчеркнуть важность сохранения послушания и верности для того, чтобы до конца испытать Божье избавление.

В стихе 6 Иуда обращается к истории ангелов, которые с вожделием смотрели на женщин и совокуплялись с ними, производя расу исполинов. Этот короткий эпизод, описанный в Бытии 6, стихах 1–4, был предметом значительного расширения и толкования в III и II веках до н. э., о чём свидетельствуют как Первая книга Еноха, главы 6–22, так и Книга Юбилеев, глава 5. Согласно более полной версии истории в Первой книге Еноха, эти ангелы действительно восстали против установленного Богом порядка и преступили важные границы, установленные для них как бессмертных существ, находящихся на небесах, чтобы совокупляться со смертными женщинами.

Они порождают расу гигантов, которые своей жестокостью и ненасытным голодом сеют хаос среди людей на Земле. В то же время эти мятежные ангелы обучают человечество всевозможным вредоносным и запретным искусствам. Они обучают искусству добычи металлов из земли, чтобы, с одной стороны, люди могли находить серебро и золото, а значит, и алчность, а с другой – научиться ковать инструменты и, что ещё важнее, оружие, и таким образом их способность причинять вред друг другу возросла в геометрической прогрессии.

Ангелы обучают женщин искусству косметики и украшения своей внешности, чтобы им было легче возбуждать желание у своих потенциальных партнёров. Бог вмешивается в ситуацию из-за хаоса, воцарившегося на его земле. Он убивает гигантов, рождённых ангелами и их партнёрами, и души мёртвых гигантов становятся демонами, продолжающими мучить человечество.

Сами ангелы закованы в цепи и заперты в глубоких пещерах земли, завалены камнями и запечатаны во тьме до того дня, когда Бог будет судить всё творение. Именно эту историю Иуда предполагает в своём послании. Иуда особенно помнит деталь, которой нет в Бытии 6, – о том, что эти ангелы были наказаны, будучи закованными в темные пещеры под поверхностью земли в ожидании Божьего суда в последний день.

Возможно, на развитие сюжета Бытия 6:1–4 повлиял греческий миф о восстании титанов против богов и наказании, которое они претерпели, подобно заключению в цепях в глубоких пещерах земли. Еврейские авторы, как правило, обращались к этому эпизоду, а не к истории о грехах Адама и Евы, как к объяснению зла и хаоса в мире людей. Павел и автор 4-й книги Ездры являются примечательными исключениями из этого более общего правила. Иуда использует этот эпизод подобно нескольким другим еврейским авторам, которые приводят тот же исторический пример.

Те, кто переступает установленные Богом границы, обречены на печальный конец. В стихе 7 Иуда вспоминает судьбу Содома, Гоморры и их городов-побратимов, популярный негативный пример в еврейской литературе из-за их уникальности: они были обречены на падение огня с неба, а также на серный и дымный запах, который, как утверждается, сохранялся на этой территории более тысячелетия. Иуда осуждает жителей Содома за блуд и похоть на иную плоть.

Это тот же язык, который Павел использует для противопоставления физического тела воскресшему телу в 1 Коринфянам 15, стихах 39 и 40. Это говорит о том, что Иуда считает грех Содома не гомосексуальной практикой, а конкретным желанием изнасиловать ангелов-посланников, своего рода аналогом греха ангелов в Бытии 6, с 1 по 4, и в 1 Енохе, с 6 по 22, относительно которого Иуда говорит, что жители Содома, цитирую, грешили таким же образом. Иуда, похоже, снова сосредоточивается на мрачных последствиях нарушения установленных Богом границ жизни и практики, что, как он утверждает, нарушители и совершают, и поощряют.

Можно заметить, что эти три примера также встречаются в «Мудрости Бен-Сиры» (глава 16, стихи 7–10), а также в 3-й книге Маккавеев (глава 2, стихи 4–7), где мятеж поколения Исхода заменяется высокомерием фараона, что указывает на то, что эти истории часто использовались в нравственных целях. Иуда затем прочно помещает нарушителей в эту традицию. Подобным же образом и эти люди, предаваясь мечтам, оскверняют плоть, отвергают власть и клеветают на славу.

Деталь, рассказывающая о том, что эти учителя видят сны, привлекает внимание, поскольку она не встречается ни в одном из только что приведённых Иудой примеров. Поэтому весьма вероятно, что она отражает наблюдаемую и характерную практику самих этих «нарушителей». Как мы уже выяснили, ранняя церковь стала свидетелем взрывного роста харизматических проявлений духовного вдохновения, многие из которых были искренними, а некоторые — совершенно неискренними.

Похоже, что нарушители легитимировали свою практику и учение, заявляя, а возможно, даже инсценируя, что харизматические переживания являются их источником. Иуда также использует здесь слово «энгипноэ». Слово «zdomenoi» неоднократно встречается в греческой версии Второзакония 13, стихи 1–5. Вероятно,

не случайно Иуда использует глагол, связанный с лжепророками, в предостережении Второзакония от лжепророков, описывая деятельность нарушителей, от которых он предостерегает. Язык Иуды в этом стихе полон иносказательностей.

Осквернение плоти – достаточно ясное выражение, относящееся к самоугождению нарушителей с явным сексуальным подтекстом. Отказ от господства, или, возможно, простите, отказ от власти, или, возможно, отрицание господства, вероятно, относилось к продвижению нарушителями христианской свободы в направлении, ведущем к вседозволенности и распущенности. Павлу также приходилось следить за тем, чтобы его обращённые не воспринимали христианскую свободу как возможность для распущенности и распущенности.

Наименее очевидна клевета на славу, которая, вероятно, подразумевает здесь чин ангелов или ангелов вообще. Учитывая связи ангелов в первом веке, как с дарованием закона, так и со Страшным судом, Иуда, возможно, подчёркивает чувство свободы, испытываемое нарушителями, от моральных ограничений общей иудейской и христианской традиции. Однако, подобно тому, как почитание ангелов могло быть проблемой в ранней церкви, как в Колоссах, так и представление о том, будто человек обладает властью над духовными существами благодаря собственному духовному знанию или силе, было также широко распространено, что служило основой для большинства магических практик и экзорцизмов в древнем мире, а также средством, с помощью которого шарлатаны наживались на своей публике.

Вспомните Симона-волхва среди самаритян в Деяниях Апостолов, глава 8. Мы могли бы представить себе, как эти нарушители спокойствия укрепляют свой духовный авторитет в качестве нравственных наставников для общины смелыми словами, сказанными о духовных существах или даже обращенными к ним, – явление, нередкое в более чрезмерных проявлениях харизматической духовности сегодня. То, что последнее является весьма вероятным, предполагает контрпример, который Иуда приводит в стихе 9. Но архангел Михаил, когда он беседовал с обвинителем о теле Моисея, не осмелился вынести оскорбительный приговор, а скорее сказал: «Да запретит тебе Господь». Здесь ссылка Иуды на историю, известную ему, но утерянную для нас, напоминает нам о чуждости послания и, в некотором смысле, делает его менее доступным для нас.

Никаких письменных источников периода Второго Храма, которые могли бы пролить свет на историю, упомянутую Иудой в стихе 9, не сохранилось. У нас есть первые главы произведения, известного как «Завет Моисея», но в нём отсутствует окончание. Вероятно, произведение завершалось эпизодом, повествующим о смерти и, возможно, погребении Моисея, но эти фрагменты утеряны.

Считается, что существовало ещё одно произведение, известное под названием «Вознесение Моисея», но от него не сохранилось ни одной части, за исключением нескольких кратких и не имеющих отношения к делу отрывков, сохранившихся в более поздних источниках. Эпизод, о котором упоминает Иуда, предположительно, развивался следующим образом. Во Второзаконии, глава 34, мы читаем, что Моисей умер и был погребён, но никто не знает место этого захоронения.

Как такое возможно? Возникла легенда о том, что Моисей был похоронен не людьми, которые могли сообщить информацию, например, о месте его захоронения, а самими ангелами, которые скрывали это место от людей. Эта легенда была расширена и включила в себя спор о том, кто имеет больше прав на Моисея: представитель Бога, Михаил, на том основании, что Моисей был слугой Бога, или сатана, на том основании, что Моисей был убийцей. В истории, известной Иуде, преобладало, конечно, право Михаила, но Михаил проявил должную сдержанность в обращении с ангельским сановником, каким бы низшим он ни был, не упрекая сатану, полагаясь на его авторитет, а передав вопрос Богу.

Слова, приписываемые здесь Михаилу: «Господь да запретит тебе», на самом деле известны из более древнего библейского эпизода. Это ещё один спор между дьяволом и ангелом из-за человека. В книге пророка Захарии 3-1-6 сатана обвиняет первосвященника Иисуса Навина, который, наряду с Зоровавелем, является одним из двух избранных Богом орудий для восстановления Иудеи после вавилонского плена.

Ангел Господень порицает сатану этими словами: «Да запретит тебе Господь», а Иисус Навин объявляется святым в очах Божиих, что образно отображено в том, как с него снимают грязные одежды и надевают на него чистую белую одежду, а на голову возлагают тюрбан первосвященства. Если в этом месте мы немного отделились от Иуды, то мы в хорошей компании. В начале VIII века достопочтенный Беда прибегнул к аллегорическому толкованию тела Моисея как народа Израиля, пытаясь понять эту историю.

Другой ранний анонимный толкователь отнёс эту историю к преображению Христа, где Сатана и Михаил спорили о правомерности появления Моисея на горе Фавор, то есть в обетованной земле, в которую Бог запретил Моисею входить. Автор Второго послания Петра, который, судя по всему, включил большую часть послания Иуды в своё собственное предостережение против незваных гостей, полностью опустил ссылку на эту историю, заменив её более известным эпизодом из иудейских писаний. Иуда снова приводит эти примеры, чтобы пролить свет на незваных гостей в стихе 10.

Но эти люди клеветают на то, чего не понимают. А то, что они постигают от природы, подобно неразумным животным, тем и разворачивается. В искусном обличении Иуда утверждает, что харизматические претензии этих чужаков проистекают из отсутствия у них подлинного духовного знания, в то время как их чувственные практики проистекают из того знания, которое люди разделяют с животными, лишенными разума, — знания, исходящего из желаний и инстинктов.

Однако их конец — это именно то, что, как утверждает Павел, лежит в конце пути сеяния в плоть тления и разложения, которые заканчиваются гниением в могиле. Иуда вновь предлагает актуальное слово христианам всех эпох, особенно в нашу, в которую многие заявляют о своём более глубоком понимании, чем сами авторы Писания, свободы, которой обладают христиане и которой им должно быть позволено пользоваться, а также об устарелости того, что христиане долгое время считали божественно установленными границами. Иуда предупреждает нас, что в наших попытках наслаждаться тем, что, по нашему мнению, необходимо для полноценной человеческой жизни, мы в конечном итоге можем сделать себя менее людьми, более

похожими на неразумных животных, для которых естественные потребности являются определяющими факторами принятия решений.

Мы также можем, отвергая авторитет апостольской традиции, устанавливающей защитные барьеры для нашей собственной жизни, лишиться себя важных аспектов Божьего исцеления нашего состояния, а именно нашей уязвимости перед плотскими страстями, которые в конечном итоге ведут к тлению и разложению. Здесь я позволю себе небольшое отступление и сосредоточусь на том, чего многие неспециалисты, возможно, не знают: это кропотливая работа текстологической критики и определения наиболее вероятного первоначального текста новозаветных писаний. У нас нет оригинальных автографов первого века ни одного из новозаветных писаний.

У нас есть буквально тысячи рукописей Нового Завета, представляющих собой копии с копий с копий оригинала. Текст во многих дошедших до нас рукописях различается во многих местах. Редко это существенно влияет на смысл, но иногда всё же.

Почему в тексте любого стиха Нового Завета существуют расхождения, которые мы называем текстовыми вариантами, во множестве рукописей? Эти варианты – результат деятельности самих переписчиков, которым было поручено создавать новые копии каждого текста Нового Завета, а в конечном итоге и всего Нового Завета. Некоторые из этих расхождений в тексте – результат случайных изменений. Другие – результат намеренных изменений.

Переписывая рукопись, будь то для замены изношенной или для копирования для другой общины, переписчик неизбежно допускал случайные ошибки, в основном из-за обмана зрения. Переписчик допускал орфографические ошибки, путал похожие буквы или менял местами буквы в слове или слова в предложении. Когда взгляд переписчика перемещался с оригинала на копию и обратно, он мог не попадать точно в одно и то же место.

Они могли переходить вперёд или назад в оригинале к другому слову, начинавшемуся или заканчивавшемуся теми же буквами, которые он только что копировал, пропуская таким образом слова и фразы или дублируя их. В некоторых случаях один писец мог читать рукопись вслух, пока несколько писцов записывали текст. Это считалось массовым производством.

Переписчик мог неправильно истолковать текст во время чтения, особенно учитывая, что греческие гласные и дифтонги становились всё более похожими по произношению. Однако не все изменения были случайными. Многие переписчики стремились помочь, намеренно исправляя текст во время переписывания.

Одним из самых распространённых видов исправления было согласование формулировок одного отрывка с тем, что было известно или запомнилось из другого. Например, переписчики исправляли цитаты из Ветхого Завета в Новом Завете или приводили тексты Марка или Луки в большее соответствие с Евангелием от Матфея, которое было основным Евангелием в ранней церкви. Или же они приводили выражение из одного послания Павла в соответствие с выражением из другого.

Иногда переписчик, сравнивая две или более рукописей во время копирования, согласовывал варианты, объединяя их в один новый вариант. Переписчики также часто стремились улучшить грамматику и стиль текста или исправить любые замеченные ошибки или несоответствия. Иногда они даже делали богословски мотивированные пропуски, изменения или вставки, некоторые из которых могли изначально быть заметками на полях, а затем скопированы как часть самого текста.

Наличие текстовых разночтений положило начало развитию текстологической критики – дисциплины, занимающейся тщательной и критической реконструкцией наиболее вероятного исходного текста, наилучшим образом объясняющего многочисленные варианты. Текстолог анализирует все варианты в данном месте текста и пытается определить, какой вариант, скорее всего, является оригинальным прочтением текста, исходным прочтением автора. Некоторые рукописи представляют собой копии, отстоящие от оригинала на гораздо меньшее количество поколений, чем другие.

Важные ранние рукописи включают три полные или почти полные Библии IV и V веков н. э.: Codex Sinaiticus, Codex Vaticanus, обе IV века, и Codex Alexandrinus V века. Наряду с ними у нас есть несколько десятков папирусных копий частей Нового Завета III и IV веков. Например, папирус номер 66 дает нам кодекс писем Павла, датируемый уже 200 годом н. э. Текстологи часто придают больше веса свидетельству этих ранних рукописей, чем более поздним рукописям X, XI и XII веков, поскольку они гораздо ближе ко времени самих авторов Нового Завета.

Аналогичным образом, текстологи склонны отдавать приоритет более коротким вариантам чтения, поскольку переписчики, как правило, расширяли текст, добавляя глоссы или гармонизируя его. Они склонны отдавать приоритет более сложным вариантам чтения, поскольку переписчики стремились сгладить трудности в тексте, а не создавать их. Кроме того, они склонны отдавать приоритет конкретным вариантам чтения, имеющим более широкую географическую аттестацию.

Например, встречающееся в рукописях из Египта, Палестины и Греции, прочтение, взятое из всех трёх этих источников, может иметь больший вес, чем прочтение, взятое, скажем, только из итальянских или западных рукописей. Стих 5 Иуды представляет собой первую из двух серьёзных текстуальных проблем в этом кратком документе. Я представлю эти варианты только в связи с самыми ранними рукописями, в которых они встречаются.

Возникают два основных вопроса относительно формулировки, которую мы встречаем в Послании Иуды 5 в ряде этих рукописей. Первый касается использования автором греческого наречия *ἄρα*, которое мы переводим как «раз и навсегда» или «решительно». Использует ли автор *ἄρα* для описания усвоения своей аудиторией христианского знания, полученного ими через проповедь апостолов? Или же он использует слово *ἄρα* для противопоставления того, что произошло сначала с поколением Исхода, тому, что произошло позже, во-вторых, после того, как они проявили неверие и послушание? Второй вопрос касается того, кому автор приписывает освобождение поколения Исхода из Египта: Господу, Богу или Христу.

Если бы мы сопоставили ряд наших самых ранних источников с текстом Послания Иуды, стих 5, мы бы обнаружили следующие различия. Хочу напомнить, что все они начинаются одинаково. Синайский кодекс IV века продолжается.

Хочу напомнить вам, познавшим всё, что Господь, избавив народ из земли Египетской раз и навсегда, вторично уничтожил тех, кто не проявил доверия. В том же месте, как в Ватиканском кодексе, так и в Александрийском кодексе, сказано: «Хочу напомнить вам, познавшим всё раз и навсегда, что Иисус, избавив народ из земли Египетской». А ещё есть папирус конца третьего или начала четвёртого века, папирус 72, который можно прочитать так.

Теперь я хочу напомнить вам, познавшим всё раз и навсегда, что Бог Христос, выведя народ из земли Египетской, вторично уничтожил тех, кто не проявил доверия. Рассмотрим сначала второй вопрос: кому приписывается вывод евреев из Египта? Господу? Иисусу? Богу Христу? Утверждение об Иисусе находит убедительное подтверждение в Александрийском и Ватиканском соборах, а также в нескольких ранних переводах, таких как древнелатинский, коптский и эфиопский. Эти переводы показывают, что такое прочтение было широко распространено в конце II – начале III века.

Это также подтверждает вариант широким региональным подтверждением. Можно утверждать, что это более сложное прочтение, так как переписчики могли бы поддаться искушению разрешить ситуацию посредством незначительного изменения. Например, вместо имени Иисус, которое обычно использовалось только по отношению к воплощённому сыну, можно заменить имя Христос, которое могло бы относиться к предвоплощённому сыну, или даже более двусмысленное имя Господь, которое могло бы указывать на Бога-Отца, исторически более достоверного посредника Исхода.

С другой стороны, Иуда в этом коротком послании больше нигде не использует имя Иисус, за исключением почётно имени «Христос», титула «Мессия», что может указывать на то, что Иисус – это вмешательство переписчика в текст. Действительно, если бы изначально Иуда использовал слово «Господь», другие варианты можно было бы объяснить попытками более чётко прояснить, кого Иуда имел в виду под этим двусмысленным титулом. В конечном счёте, невозможно сказать наверняка.

Очевидно, что, по крайней мере, некоторые книжники рассуждали в этом направлении, приписывая довоплощённому Иисусу роль в ранней истории спасения народа Божьего, подобно тому, как автор Послания к Евреям и автор четвёртого Евангелия считали довоплощённого Сына действующим лицом в событиях Книги Бытия, то есть в сотворении мира, и подобно тому, как Павел говорил о посредничестве Христа в Божьем обеспечении поколения Исхода в пустыне, когда он назвал водоносную скалу Христом в 1 Коринфянам 10:4. Однако неопределённость текстового свидетельства должна заставить нас оставаться осторожными в любых богословских выводах, которые мы могли бы сделать на основе контекста Иуды 5. Что касается другого вопроса, использование гапакса в связи с просветлением адресата в вере представляется более сильным толкованием. Это подтверждается папирусом 72 начала III века, Ватиканским кодексом IV века, Александрийским кодексом V века и

переписчиком, внесшим исправления в Синайский кодекс несколько столетий спустя. Это согласуется с другими новозаветными высказываниями о решающем и достаточном характере опоры христианской общины на открытое знание апостольской проповеди, например, в Послании к Евреям 6:4. Там же, в контексте призыва общины оставаться стойкими на пути, на который их наставил их прежний опыт веры и духа.

Связь гапакса с опытом избавления евреев, по-видимому, является стилистическим исправлением, отмечающим явный контраст между их предыдущим опытом избавления, гапаксом, и последующим, Вторым Второзаконием, в котором они в конечном итоге не смогли достичь Божьих обетований из-за своего непослушания. Я подробно остановился на этом вопросе, поскольку считаю крайне важным для всех, кто тесно работает с текстом Нового Завета, иметь представление о сложности задачи текстологической критики, стоящей за читаемым нами текстом, и признать, что, действительно, есть несколько отрывков, в которых мы сомневаемся относительно точной формулировки наших утраченных оригиналов. В стихах 11–15 Послания Иуды Иуда продолжает апеллировать к традиции, разделяемой им и его слушателями, предостерегая их от следования примеру чужаков и присоединения к ним на их условиях, поскольку их действия продолжают подвергать их Божьему суду, как показывают как примеры из Писания, так и парабиблейские тексты.

Одним из источников, к которым Иуда продолжает обращаться, является Первая книга Еноха. Иуда упоминает историю мятежных ангелов и их судьбы, известную скорее из расширенного текста Бытия 6:1-4 в Первой книге Еноха, чем из самого библейского повествования в Послании Иуды 6-м стихе. В следующем разделе Иуда будет опираться непосредственно на текст Первой книги Еноха как на авторитетное изречение Божьего суда над нечестивыми. Современные читатели Иуды, подобно некоторым читателям Иуды в патристический и постникийский периоды, могут быть не знакомы с Первой книгой Еноха или с подозрением относиться к псевдонимному произведению, поэтому, возможно, будет полезно более внимательно изучить Первую книгу Еноха.

Сама книга развивалась поэтапно на протяжении как минимум двух столетий, что свидетельствует о постоянном и устойчивом влиянии и распространении информации, благодаря чему благочестивые иудеи продолжали обращаться к этой книге, писать новые материалы в её традициях и добавлять к ней свои, чтобы обеспечить её сохранность. Самые ранние фрагменты Первой книги Еноха датируются концом III или началом II века до н. э. Это Откровение Седмиц в Первой книге Еноха, главы 91 и 93, и Книга Стражей, главы 6–36.

Именно к истории из Книги Стражей Иуда уже обращался в стихе 6. Ангелы, не сохранившие своего положения и покинувшие своё жилище, заключены в вечные оковы во тьме глубочайшей, ожидая суда великого дня. С этим можно сравнить 1 Еноха 10:4 и 10:13. Свяжи Азазеля по рукам и ногам и брось его во тьму. Свяжи их на семьдесят поколений под скалами земли до дня суда их.

И снова, говоря более широко о всём воинстве мятежных ангелов, это место – темница ангелов, и там они будут заключены вечно. Именно на эту историю ссылается Иуда в стихе 13, называя чужаков блуждающими звёздами, которым навеки уготована

глубочайшая тьма. В 1 Еноха, глава 18, мы снова находим, что это – темница для звёзд и сил небесных.

А в 1 Еноха, глава 26, они упоминаются среди звёзд небесных, преступивших заповеди Господа и связанных в этом месте до завершения 10 000 веков. В 1 Енохе, дошедшем до нас, есть и другие аспекты. Книга небесных светил, 1 Еноха, главы 72–82, представляет собой подробное объяснение восхода и захода солнца и луны через их различные врата на горизонте и того, как это связано с календарным соблюдением еврейского литургического года.

Этот раздел сам по себе может быть сокращённым вариантом гораздо более объёмной оригинальной астрономической книги, написанной ранее всех разделов Первой книги Еноха. Солнечный календарь устанавливает год из 12 месяцев, разделённых на 364 дня. Лунный календарь делит те же 12 месяцев на 354 дня и добавляет один дополнительный месяц каждый третий год, чтобы компенсировать разницу.

Таким образом, установленные ежегодные праздники, о которых мы читаем в Торе и Законе Моисея и которые начинаются в определённый день определённого месяца – Песах, Пятидесятница, Суккот, Новый год и День Искупления – все они приходились на разные дни в зависимости от того, какой календарь использовался. Власти Иерусалимского Храма II и I веков до н. э. следовали лунному календарю. Однако сектантская община Кумрана придерживалась солнечного календаря и резко критиковала служителей Храма за то, что они следовали малому светилу – луне, а не большему – солнцу, для расчёта времени праздников и тому подобного.

Сектанты в Кумране утверждали, что это привело к нарушению храмовыми властями завета, поскольку они не соблюдали праздники в положенные дни. В Первой книге Еноха есть ещё несколько слоёв. «Книга сновидений» состоит из глав 83–90 Первой книги Еноха.

Это пространный апокалипсис животных, своего рода пророческая аллегория хода истории от Адама до наступления Царства Божьего, написанный, вероятно, в период Маккавеев, в середине II века до н. э. Мы также находим Послание Еноха, 1-я книга Еноха, 91–107, которое включает в себя более ранний апокалипсис недель. Это Послание в основном состоит из этических наставлений.

Наконец, существует раздел, известный как Притчи Еноха, в настоящее время занимающий главы 37–71 в Первой книге Еноха. Неясно, был ли он написан в I веке до н. э. или в I веке н. э. Если же он написан в I веке до н. э., то становится особенно интересным, поскольку в нём говорится о Сыне Человеческом как о личности конца времён, которому предстоит сыграть свою роль в Божьем суде над народами и в освобождении Божьего народа.

Сын Человеческий, конечно же, — излюбленный способ Иисуса обозначить себя, свою нынешнюю и будущую роль в Божьем промысле. Все части Первой книги Еноха, за исключением Притч Еноха, засвидетельствованы среди свитков Мёртвого моря, что свидетельствует о важности этой книги для сектантских общин, представленных этим собранием. Это также остро ставит вопрос о том, почему притчи не представлены.

Были ли они действительно составлены слишком поздно, чтобы укорениться в общине, которая была уничтожена в 68 году н. э. ? В любом случае, сам Иуда, очевидно, вращался в палестинских кругах, где ценили эту парабиблейскую книгу, особенно Книгу Стражей, открывающую сборник, известный как Первая книга Еноха. В стихе 11 Иуда приводит ещё три примера из библейского наследия в качестве основы для размышлений о характере и поведении этих нарушителей. Горе им, потому что они пошли путём Каина, предали наследнику Валаама ради выгоды и погибли во время мятежа Корея.

История убийства Каином Авеля в 4-й главе Книги Бытия, конечно же, довольно известна. Сейчас, как и в период Второго Храма, существует множество догадок о том, почему Бог не принял жертву Каина. Однако единственная подсказка, которую даёт Книга Бытия, позволяет установить чёткую связь с незванными гостями.

Бог призвал Каина обуздать свои эмоции, а не поддаваться им. Господь сказал Каину: « Почему ты огорчился и отчего поникло лицо твоё ? Если делаешь доброе, не будешь ли ты принят? А если не делаешь доброго, то грех притаился у дверей. Он желает тебя, но ты должен господствовать над ним».

Иуда уже намекнул на стремление нарушителей чужого права удовлетворять свои страсти, а не управлять ими, в стихах 4 и 8. Вскоре он ясно сформулирует это обвинение в стихах 12 и 13, а также в стихах 16–18. Владение страстями, конечно же, было не просто обычным явлением в греко-римской и эллинистической еврейской этике, но и этическим приоритетом для ранних христианских лидеров, и не кто иной, как Павел, что особенно подчеркивается в Послании к Галатам 5, стихах 13–25. Следующий пример Иуды – Валаам, наемный пророк, которого Валак, царь Моава, призвал проклясть еврейский народ, когда они приближались и проходили через его землю по пути в Ханаан в Числах 22–24.

Валааму, конечно же, помешало выполнить поручение, когда его ослица предупредила его об ангеле, идущем впереди по дороге. Однако Валааму в конце концов удалось найти способ заработать. По его предложению моавитянки соблазнили еврейских мужчин и склонили их к поклонению моавитским богам, чтобы разрушить границы вокруг Израиля и объединить их с коренными народами.

Об этом эпизоде мы читаем в Числах 25, а об участии Валаама – в Числах 31:16. Похоже, именно это и связывает Иуду с нарушителями, поскольку он считает, что они способствуют разврату и тем самым стирают границы святости, которые должны были определять народ Божий во Христе. И, как и у Валаама, их главная цель, утверждает Иуда, – выжать из общины или общин любую возможную выгоду.

Третий пример отсылает нас к восстанию Корея и его клана против руководства Моисея и Аарона, эпизоду, описанному в книге Чисел, глава 16. Корей возражал против руководства Моисея и Аарона, утверждая, что весь Израиль свят Господу, а не Моисей и Аарон в частности. Целью Корея, конечно же, было добиться большей власти для себя и своей партии, но в итоге они были драматически уничтожены землетрясением, в то время как остальной Израиль поспешил отдалиться от партии Корея.

Именно на последнее Иуда надеется, что его слушатели поступят по отношению к нарушителям в идеологическом и практическом плане, по крайней мере, поскольку нарушители также находятся под неминуемым Божьим судом. Наиболее очевидная связь, по-видимому, заключается в заявлении Кореи о своей близости к Богу и на этом основании в его стремлении пренебречь властью Моисея. Подобным же образом нарушители претендуют на доступ к Богу и Его дозволенным установлениям посредством своей харизматической и пророческой деятельности, преследуя ту же цель – пренебречь обязательным авторитетом апостольского учения и традиции, касающихся христианской жизни.

За этими сравнениями с фигурами священной истории следует шквал сравнений с образами природы и промышленности, хотя большинство из них также имеют ярко выраженные библейские или парабиблейские отголоски. Как и в случае с историческими аналогиями, образы природы вовсе не лестны, но весьма красноречивы. Эти люди – скрытые рифы на ваших любовных пиршествах, непочтительно пирующие рядом с вами, пастухи, бережно ухаживающие за безводными облаками, уносимыми ветром, деревья, не приносящие плодов даже поздней осенью, вырванные с корнем, дважды мёртвые, дикие морские пути, взбивающие собственный стыд, блуждающие звёзды, для которых навеки сберегён мрак тьмы.

Относительно первого из этих образов существует некоторая двусмысленность. Называет ли Иуда нарушителей «пятнами» или «пороками» на любовных пирах собрания, или же он называет их «скрытыми рифами»? Последнее, по-видимому, более привычно для слова «спилад», и автор Второго послания Петра выбирает другое слово, чтобы обозначить своё предпочтение «пятнам» или «порокам». Образ «скрытых рифов» или «скрытых скал» особенно пронзителен в мире, где кораблекрушения — довольно распространённое явление .

Вспомните о собственном опыте Павла, пережившего по меньшей мере три кораблекрушения, предшествовавших тому, которое привело его на Мальту. Такой образ подчеркнул бы опасность, которую представляют для слушателей Иуды эти нарушители. Их присутствие грозит крушением веры членов общины, которые относятся к ним без должной осмотрительности и поэтому избегают их.

Иуда предполагает, что нарушители встают в один ряд с пастырями Израиля Иезекииля, теми, кто выдаёт себя за лидеров, но пренебрегает своим долгом по отношению к своим подопечным, заботясь только о своих интересах и выгоде. Интерес нарушителей к самоугождению в обстановке христианской трапезы любви – священной трапезы, прославляющей любовь Бога и семью, которую Божья любовь объединила, – показывает их сущностную непочтительность, их неуважение к высшим благам, которые христианская трапеза общения прославляла и в то же время стремилась сделать доступными для совместного опыта общины. Следующий образ взят из библейской традиции, особенно резонирующей с традицией еврейских текстов, а не подчиненной , где сила этих образов действительно теряется при переводе.

Безводные облака, уносимые ветром, напоминают образ облаков и ветра без дождя в Притчах 25-14, использованный там, чтобы сказать о людях, которые хвастаются благодеяниями, которых они никогда не даровали, или помощью, которую они никогда не предлагали, ложно возвеличивая свою репутацию, так что, подобно облакам без воды в ветреный день, нарушители также полны воздуха и хвастовства, намереваясь раздуть свою собственную репутацию, но не предлагают ничего питательного или полезного. Следующий образ усиливает это, ибо деревья должны быть отягощены своими плодами осенью, но у этих нарушителей нет плодов, чтобы предложить, и действительно, у них самих нет корней, погруженных в духовную пищу, которую дает Бог, и поэтому они сами мертвы, не говоря уже о том, чтобы быть способными давать жизнь другим. Вполне возможно, что Иуда создал свой образ деревьев, приносящих плоды, деревьев, не приносящих плодов даже поздней осенью, дважды вырванных с корнем, мертвых, как антитезу образу псалмопевца о праведнике, который подобен дереву, посаженному при потоках вод, которое приносит плод свой по времени своего, и лист которого не вянет.

Израиль, Исаия скорее сравнил нечестивых с бушующим морем, которое не может успокоиться, чьи волны выбрасывают ил и грязь. Поэтому Иуда утверждает, что самоугодие этих нарушителей влечет за собой ил их собственного падения. Наконец, Иуда возвращается к образу звезд, чье непостоянство навлекло на них Божий суд.

С одной стороны, Иуда здесь говорит о планетах (planeti), которые движутся по небу по неровным траекториям и не могут служить надёжными ориентирами из-за своей собственной неровности. Это, конечно же, ещё один подходящий образ для борьбы с влиянием учителей, чьи послания и примеры будут сбивать с пути тех, кто прокладывает свой путь, следуя им. С другой стороны, Иуда также возвращается к истории Первого Еноха и мятежных ангелов, также упоминаемых в главах 6–26 Первого Еноха, как падших звезд, чье несоблюдение Божьего порядка и границ привело к их наказанию в тёмных темницах земных пещер.

Возобновившиеся аллюзии на Первую книгу Еноха проложили путь для прочтения Иудой этого текста как свидетельства неизбежности Божьего суда и как предостережения о том, что нарушители и все, кто следует их путем, с уверенностью стоят под Божьим приговором. Именно о них пророчествовал Енох в седьмом поколении от Адама, говоря: вот, пришел Господь со тьмами святых апостолов Своих — сотворить суд над всеми и обличить всех во всех делах нечестия, которые они совершили так нечестиво, и во всех жестоких речах, которые произносили на Него нечестивые грешники. В оригинале в Первой книге Еноха 1:9-10 говорится: И вот, идет Он со тьмами святых — сотворить суд над всеми, и истребить нечестивых, и состязаться со всякою плотью во всем, что делали и творили против Него грешники и нечестивые.

Несколько странно, что Иуда начинает цитату с «Господь пришёл», используя глагол в прошедшем времени, а не «Господь пришёл», как в оригинале. Это потенциально может навести слушателей на мысль, что наблюдатели и нечестивые люди, захваченные потопом, стали объектами Божьего гнева, когда Он явится с судом во время, которое с точки зрения Еноха ещё в будущем, но с точки зрения слушателей давно прошло. В таком случае декламация имела бы силу обращения к историческому

прецеденту, предупреждая слушателей о том, что Божий суд над всяким нечестием лютен и неизбежен.

Иуда сливает воедино прошлое Еноха и настоящее слушателей, утверждая, что Енох сказал эти слова либо самим нарушителям, либо о них. Описание этих нарушителей как блуждающих звёзд, для которых навеки сберегается мрак тьмы, способствует такому слиянию горизонтов. Судьба наблюдателей и нечестивцев, унесённых потопом, — это также судьба нарушителей и всех тех, кто либо упорствует, либо возвращается к образу жизни, не чтящему Бога и Его праведные намерения для нашей жизни.

Начиная с 4-го стиха, Иуда рисует образ людей, использующих благую весть об Иисусе Христе и общины последователей Христа как средство наживы для достижения собственных целей и удовлетворения. Он держит в руках своего рода зеркало, в котором мы должны надеяться не увидеть себя, и мы должны жить так праведно, чтобы не подвергнуться опасности увидеть себя, особенно если мы занимаем руководящую должность. Иуда также продолжает представлять нам ту грань Божьего характера и Божьего обязательства, которую многие в XXI веке предпочли бы забыть, игнорировать или иным образом отрицать как устаревшую. Это праведное и святое обязательство Бога требовать от Своих творений отчета в чести и послушании, которые они должны оказывать Ему, в благоговении, которое должно быть отличительной чертой жизни тех, кто живет только Божьей благодатью и благоволением.

Поступая так, Иуда просто показывает свою верность учению своего единокровного брата и Господа Иисуса, который также провозгласил Бога Тем, Кто отделит праведных от нечестивых, бессердечных от сострадательных, тех, кто чтит Святого Бога святостью сердца и жизни, от тех, кто жил ради собственных удовольствий и целей. В то же время Иуда напоминает своим слушателям, что они любимы не только Иудой, который неоднократно называет их таковыми, но ещё более Богом, в Котором они любимы, как он описал во вступительном приветствии, и в Чьей любви они призваны хранить себя в стихе 21. Но они делают это, ходя в святости, сохраняя веру, к которой сами были призваны Апостолами.

Как и в учении Иисуса и, конечно же, во всех голосах Нового Завета, святость и любовь не являются конфликтующими характеристиками или вариантами. Они определяют и подкрепляют друг друга.